

ГЛЕБ МОРЕВ

ПОЭТ и ЦАРЬ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ
КУЛЬТУРНОЙ МИФОЛОГИИ:
МАНДЕЛЬШТАМ, ПАСТЕРНАК,
БРОДСКИЙ

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новые материалы и исследования
по истории русской культуры

Глеб Морев

**Поэт и Царь. Из истории
русской культурной
мифологии: Мандельштам,
Пастернак, Бродский**

«Новое издательство»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Морев Г. А.

Поэт и Царь. Из истории русской культурной мифологии:
Мандельштам, Пастернак, Бродский / Г. А. Морев — «Новое
издательство», 2020 — (Новые материалы и исследования по
истории русской культуры)

ISBN 978-5-98379-250-0

Сталин, потрясенный стихами Мандельштама и обсуждающий его талант с Пастернаком, брежневское политбюро, которое высылает Бродского из СССР из-за невозможности сосуществовать в одной стране с великим поэтом, – популярные сюжеты, доказывающие особый статус Поэта в русской истории и признание его государством поверх общих конвенций. Детальная реконструкция этих событий заставляет увидеть их причины, ход и смысл совершенно иначе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-250-0

© Морев Г. А., 2020
© Новое издательство, 2020

Содержание

Предисловие	6
1. «Пасквиль на вождей»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глеб Морев
Поэт и Царь. Из истории
русской культурной мифологии.
Мандельштам, Пастернак, Бродский

Маше

© Новое издательство, 2020

Предисловие

Историко-литературные сюжеты, объединенные под обложкой этой книги, связывает типологическая общность. Все они представляют собой результат в той или иной степени конфликтного взаимодействия поэта и структур государственной власти. Во всех случаях – и в случае Мандельштама, написавшего антисталинское стихотворение, репрессированного за это и потом (отчасти) помилованного Сталиным; и в случае Пастернака, неожиданно для себя становящегося в связи с арестом Мандельштама собеседником Сталина; и в случае Бродского, пытавшегося обустроить в СССР личную социокультурную нишу и в результате подвергшегося репрессии в виде ультимативного предложения покинуть родину, – «литературная» сторона конфликта предпочитает персонифицировать власть, так или иначе пробуя выстроить вполне содержательный диалог с верховным правителем, со Сталиным или Брежневым. Однако – и на этом мы делаем акцент в наших разысканиях – во всех случаях коммуникация остается односторонней: власть не хочет и не способна этот диалог поддержать, относясь к разрешению конфликта не «содержательно», но исключительно технологически. Ответом государства на претензии художника в лучшем случае является молчание, в худшем – директивное и/или силовое действие.

Предметом нашего рассмотрения становятся, в одном случае, поведенческая стратегия поэта (Бродский), в другом – последствия написания и обнародования им стихотворения, приравненного как самим автором, так и его современниками к *поступку*, к политическому действию (Мандельштам), в третьем – с ложное и взаимосвязанное сочетание поступков с эпистолярными и художественными текстами (Пастернак). В этой связи нам кажется важным напомнить о принципиальной нераздельности и уравниваемости слова и биографического текста, свойственных русской литературной традиции, к которой принадлежат Мандельштам, Пастернак и Бродский, о «глубокой жизненной действенности смычки между биографией и поэзией»¹. В своей книге, посвященной (ре)конструкции авторской личности Карамзина, Ю.М. Лотман дает классическое объяснение российской нерасчлененности «слова» и «дела», связывая ее с высочайшим статусом литературы в русской культуре, когда после ее секуляризации в эпоху петровских реформ «на освободившееся место божественного Слова» становится «Слово человеческое», авторское².

Такая сакрализация Слова утверждала в культуре совершенно особый, «профетический» статус Поэта. Именно в качестве *небом избранного певца* Поэт чувствовал себя равным властителю и мог выстраивать прямой диалог с верховной властью, поверх социальных барьеров и условностей. «Но представление о том, что поэзия – не профессия, не источник существования, не игра или забава, а миссия, ко многому обязывало»³.

Важнейшим из обязательств, которые налагал статус Поэта, являлась его независимость. Применительно к российской ситуации, начиная с Пушкина⁴, это независимость от сильных мира сего, прежде всего – от государства, всегда игравшего гипертрофированную роль в истории России. В известном письме А.А. Бестужеву Пушкин, чьи биография и творчество фактически задали для русского культурного сознания классическую модель взаимоотношений Поэта и Царя, писал:

¹ Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов [1930] // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris, 1975. С. 26.

² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 60.

³ Там же.

⁴ О различных, но одинаково неудачных стратегиях повышения социального статуса литературы и писателя в XVIII веке см.: Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–83.

наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести – а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищенье
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

Прочти послание к А<лександр>у (Жук<овского> 1815 году). Вот как русский поэт говорит русскому царю⁵.

Специфический драматизм сюжета взаимоотношений Поэта и государства (персонифицируемого авторитарным правителем – Царем; государем или партийным вождем соответственно) придает у нас то обстоятельство, что, принадлежа к одному историко-культурному контексту, и Поэт и Царь в России не имеют общей для них аксиологии и, следовательно, общего языка для диалога. Царь отрицает право Поэта на особый «экстерриториальный» статус, отказываясь от иницируемой Поэтом коммуникации «на равных» и отвергая, таким образом, все претензии Поэта на независимость. Для власти Поэт не может существовать вне (чуждых ему) формально-бюрократических структур, обеспечивающих функционирование авторитарного государства. В решении императора Николая Павловича сделать Пушкина камер-юнкером, чтобы «пресечь <...> претензии поэта на профетизм»⁶, в отказе Сталина разговаривать с Пастернаком о «жизни и смерти», в вопросе судьи Савельевой Бродскому «кто причислил вас к поэтам?»⁷ – одна логика.

Существенно и то, что частный, «литературный» конфликт поэта и власти является здесь знаком более глобального исторического конфликта, который Мандельштам на допросе в ОГПУ 25 мая 1934 года точно определил как «противопоставление: „страна и властелин“»⁸, где Поэт репрезентирует угнетаемое и бесправное общество, чья система ценностей отлична от государственной и чья коммуникация с властью полностью нарушена.

Когда исследователи, описывая составляющие социокультурного статуса Поэта в России, справедливо говорят о претензиях на равенство с властью и независимость как о центральных его качественных характеристиках, они имплицитно солидаризируются с «общественным» ракурсом. В рамках же «государственного» понимания ценности того или иного деятеля культуры первостепенное значение традиционно имеет не эмансипация художника от режима, но, наоборот, – степень его самоидентификации с властью. Именно близость к власти определяет в ее глазах легитимность художника и градус внимания, с которым она готова воспринимать его обращенные к ней слова. Огрубляя, можно сказать, что именно поэтому авторские стратегии, скажем, Карамзина и Максима Горького в итоге оказываются успешными в плане прижизненного государственного внимания и признания, а Пушкина или Пастернака – нет (а пограничные случаи типа Маяковского – приобретают дополнительные интерес и заостренность).

Игнорирование этого непримиримого ценностного противоречия, представление конфликтующих литератора и государства как действующих в рамках одной аксиологии и картины мира приводят к серьезному упрощению историко-культурной ретроспективы и созданию сво-

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13: Переписка, 1815–1827. С. 178–179.

⁶ Непомнящий И. Зачем был написан «Медный всадник» // Он же. Пушкин – либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии. М., 2018. С. 305.

⁷ Эттингер Е. Процесс Иосифа Бродского. London, 1988. С. 61.

⁸ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 47.

его рода новых культурных мифов. Популярнейшими сюжетами такой мифологии стали, в частности, «диалог» между Мандельштамом/Пастернаком и Сталиным и эмиграция Иосифа Бродского из СССР.

Между тем при историко-литературном рассмотрении и реконструкции этих сюжетов становится ясно, что авторы, следующие в данных случаях традиционной для русской культуры модели поведения Поэта, сталкиваются здесь со столь же традиционной моделью государственного реагирования на враждебный и/или внеположный системе элемент. Будучи эксплицирован, механизм этого столкновения позволяет увидеть частные случаи инвариантного противостояния Поэта и Царя во всей их возможной исторической полноте, составленной – как это свойственно не прямолинейным схемам, а самой жизни – из очень разных обстоятельств, от подлинно трагических до комических, и наоборот.

Первоначальные версии вошедших в эту книгу статей публиковались в интернет-издании Colta.ru и в альманахе Wiener Slavistische Jahrbuch. Для настоящего издания они были существенно дополнены и доработаны.

Автор искренне признателен за помощь, разговоры и разнообразное содействие при подготовке составивших книгу текстов Якову Гордину, Томасу Венцлове, Никите Елисееву, Антону Желнову, Якову Клоцу, Юрию Левингу, Олегу Лекманову, Александру Мецу, Павлу Палажченко, Сергею Пархоменко, Александру Соболеву, Роману Тименчику, Андрею Устинову, Лазарю Флейшману, Ирине Шевеленко. Мой друг и издатель Андрей Курилкин стал и моим внимательным редактором – я благодарен ему за ценные советы и замечания. Благодарю также Алексея Гринбаума и Фонд по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского за разрешение цитировать неопубликованную переписку поэта.

1. «Пасквиль на вождей» *Сталин и дело Мандельштама 1934 года*

В 2017 году в очередном выпуске исторического сборника «„Совершенно секретно“: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934)» было впервые опубликовано хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ спецсообщение заместителя председателя ОГПУ Я.С. Агранова об аресте и ссылке Мандельштама, адресованное Сталину⁹. Представляется, что эта публикация восстанавливает важное смысловое звено в разорванной и неполной до сегодняшнего дня цепочке архивных документов, связанных с арестом Мандельштама в 1934 году, и позволяет пересмотреть многие сложившиеся вокруг первого дела Мандельштама стереотипы.

Право на арест

Мандельштам был арестован по приказу Агранова (им был подписан ордер № 512) в ночь на 17 мая у себя в квартире в писательском кооперативе в Нащокинском переулке. Поводом для ареста послужил донос неизвестного нам сексота из литературных кругов¹⁰, сообщившего чекистам о существовании антисталинского стихотворения Мандельштама и чтении им этого и других неопубликованных антисоветских текстов знакомым. На первом же допросе Мандельштам признался следователю Н.Х. Шиварову¹¹ в авторстве написанного в ноябре 1933 года стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...» и сообщил имена людей, которых с ним ознакомил. Уже через десять дней, 26 мая, Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило поэта к трем годам ссылки в уральском городе Чердынь. 3 июня Мандельштам с женой прибыли в Чердынь, ночью поэт выбросился из окна больницы, куда их временно поме-

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): Сб. документов: В 10 т. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2017. Т. 10. Ч. 1. С. 591. Благодарим И.З. Сурат за указание на эту публикацию.

¹⁰ А.Г. Тепляков в обзорной работе, посвященной чекистской агентурно-оперативной деятельности, справедливо отмечает: «<...> в Советской России с первых лет существования ВЧК был взят курс (вероятно, впервые в современной мировой истории в таких масштабах) на массовое заагентуривание общества с целью контролировать малейшие его движения» (Тепляков А.Г. Агентурная работа ОГПУ – НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / 2-е изд. М., 2018. С. 346). К началу 1930-х годов степень инфильтрационности всех сред советского социума секретными сотрудниками ОГПУ была чрезвычайно высока (см., в частности, обзор ситуации с осведомительством в армейской среде: Ганин А.В. «Заслуживают проверки»: Бывшие офицеры-генштабисты под надзором органов госбезопасности в начале 1930-х гг. // Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 748–766; см. там же эффектный пример раскрытия имени сексота ОГПУ среди бывших генштабистов). Литературная среда не была исключением; это составляло предмет своеобразной профессиональной гордости кураторов агентов и тематизировалось ими. По свидетельству Вяч. Вс. Иванова, «обилие доносов и доносчиков было темой разговоров высших чекистов. В доме у Горького Агранов как-то говорил отцу [писателю Вс. Иванову]: „Если бы вы только знали, какие люди на нас работают!“» (Иванов В.В. Почему Сталин убил Горького? // Он же. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2: Статьи о русской литературе. С. 560). Зафиксировано мемуарное свидетельство литератора Л.В. Бермана о том, как в 1923 году Агранов, в феврале – октябре особоуполномоченный по важным делам Секретно-политического отдела ВЧК, а с мая и заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ, лично склонял его к сотрудничеству с ЧК: Сажин В. Предыстория гибели Гумилева // Даугава. 1990. № 11. С. 93. Поступавшие в 1930 году к Агранову агентурно-осведомительные сводки агентов «Арбузова», «Валентинова», «Зевса», «Михайловского», «Шороха», связанные с самоубийством Маяковского, опубликованы (без раскрытия подлинных имен сексотов): «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В.В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников / Сост. С.Е. Стрижневой. М., 2005. Анонимные «агентурные сообщения», касающиеся, в частности, Мандельштама и относящиеся к июлю 1933 года, обнаружены и опубликованы А. Береловичем (Berelowitch A. Les écrivains vus par l'OGPU // Revue des Études Slaves. 2001. Vol. 73. № 4. P. 626–627). Нам неизвестен агент, сообщивший в ОГПУ о существовании антисталинского стихотворения Мандельштама: все предпринимавшиеся до сих пор попытки идентифицировать этого человека (см., например: Кожин В.В. Россия: Век XX, 1901–1939. М., 1999. С. 437; Городецкий Л.Р. Пульс Ди-Нура Осипа Мандельштама: последний террорист БО. М., 2018. С. 73 и след.) не имеют под собой никаких документальных оснований.

¹¹ Подробнее о нем см.: Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 27–29. Там же – полная публикация материалов следственного дела Мандельштама 1934 года.

стили. 5 июня Надежда Яковлевна телеграфировала в Москву о попытке самоубийства Мандельштама и о его психическом заболевании. Одним из ее адресатов был покровительствовавший поэту с конца 1920-х годов Н.И. Бухарин, недавно (в феврале 1934 года) ставший главным редактором газеты «Известия». После получения телеграммы Надежды Яковлевны Бухарин в очередном деловом письме Сталину поднимает тему ареста Мандельштама, упоминая, что к нему «все время апеллируют» защитники поэта, и отдельно подчеркивая «полное умопомрачение» Бориса Пастернака «от ареста Мандельштама». Среди дел, затронутых в письме Бухарина, внимание Сталина привлекает только пункт, касающийся Мандельштама. Он подчеркивает его красным карандашом и синим карандашом оставляет на письме резолюцию: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...»¹²

5-го же июня Москва требует от Свердловского ОГПУ проведения немедленной психиатрической экспертизы ссыльного, а 9-го – срочного его перевода в больницу в Свердловск. Наконец, 10 июня в Москве то же Особое совещание ОГПУ принимает постановление об изменении постановления от 26 мая: высылку на Урал заменяют «минусом 12» – запретом жить в столицах и некоторых крупных городах СССР.

Связь смягчения участи Мандельштама с резолюцией Сталина очевидна. «Дело решил тов. Сталин» – так позднее подытожил произошедшее Бухарин¹³. Однако до последнего времени эта резолюция оставалась своего рода репликой, повисающей в воздухе. Л.В. Максименков, впервые полностью опубликовавший и прокомментировавший письмо Бухарина с ремаркой Сталина, предположил, что «резолюция (поручение, приказ) Сталина должна была автоматически привести в „порядке контроля“ к внутриведомственному расследованию дела Мандельштама» и что «недостающие звенья» в этом деле рано или поздно будут обнаружены. Таким «недостающим звеном» в цепи сопутствующих делу Мандельштама документов и является, на наш взгляд, подписанное Аграновым и адресованное Сталину спецсообщение ОГПУ об аресте поэта.

«Никто ничего не знает»

Исходя из текста резолюции Сталина, можно предположить, что до получения письма Бухарина (предположительно, 6–7 июня) он ничего не знал об аресте Мандельштама¹⁴. Прагматика и социополитический контекст и бухаринского письма, и самого ареста Мандельштама точно реконструированы Максименковым. Он справедливо отмечает, что для Сталина не санкционированный им лично арест одного из «номенклатурных» советских писателей был вопиющим превышением органами их полномочий. Дело усугублялось тем, что арест произошел в преддверии готовящегося первого съезда Союза советских писателей (членом которого Мандельштам, безусловно, стал бы при ином развитии событий). Подготовка «объединительного» съезда литераторов началась после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», знаменовавшего роспуск РАППа и воспринятого беспартийной писательской массой как знак благоприятного для нее

¹² Документ, впервые опубликованный Л.В. Максименковым (*Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946)* // Вопросы литературы. 2003. Июль – август. С. 239), фототипически воспроизведен в кн.: *Нерлер П. Указ. соч. Вкладка.*

¹³ В письме в Политбюро и А.Я. Вышинскому от 27 августа 1936 года (*Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов.* СПб., 2005. С. 231).

¹⁴ Гипотеза П.М. Нерлера о том, что 25–26 мая председатель ОГПУ Ягода по телефону информировал Сталина об аресте Мандельштама и даже прочитал ему криминальное стихотворение, выглядит совершенно неосновательной и, более того, опровергается самим же автором, который, противореча себе, подтверждает далее, что в момент получения письма Бухарина Сталин не знал об аресте Мандельштама (*Нерлер П. Указ. соч. С. 38; ср. с. 39*). Сразу оговоримся, что исключаем из нашего рассмотрения посвященную теме «Сталин и писатели» эссеистику Бенедикта Сарнова и, в частности, его тексты о Мандельштаме и Пастернаке, аккумулировавшие все возможные при разборе этой темы несурзности и бездоказательные гипотезы.

изменения государственной политики в области литературы. «Произошло перераспределение писательских сил по их художественному удельному весу – и, естественно, влияние попутчиков тотчас же выросло», – писал в декабре 1933 года в обзорной статье о советской литературе Е.И. Замятин¹⁵. Одним из объектов предсъездовской либерализации 1932–1933 годов был и Мандельштам¹⁶.

Нет никакой уверенности в том, что, несмотря на присутствие имени Мандельштама в поданном Сталину Л.М. Кагановичем в апреле 1932 года многофамильным «списке-реестре» советских писателей¹⁷, Сталин до начала июня 1934 года толком представлял себе, кто такой Мандельштам, и тем более читал его произведения. Письмо Бухарина, однако, давало Сталину весь необходимый контекст, чтобы понять, что на фоне активной подготовки назначенного (после неоднократных переносов) на конец июня писательского съезда – подготовки, которой Сталин придавал серьезное политическое значение и в которую был непосредственно погружен, – произошло нечто экстраординарное:

Дорогой Коба,

На дня четыре-пять я уезжаю в Ленинград, так как должен засесть за бешеную подготовку к съезду писателей, а здесь мне работать не дают: нужно скрыться (адрес: Акад<емия> Наук, кв. 30). В связи с сим я решил тебе написать о нескольких вопросах:

1). **Об Академии Наук.** Положение становится окончательно нетерпимым. Я получил письмо от секретаря партколлектива т. Кошелева (очень хороший парень, бывший рабочий, прекрасно разбирающийся). Это – сдержанный вопль. Письмо прилагаю. Если бы ты приказал – как ты это умеешь, – все бы завертелось. В добавление скажу еще только, что за 1934 г. Ак<адемия> Н<аук> не получила никакой иностр<анной> литературы – в от тут и следи за наукой!

2). **О наследстве «Правды»** (типографском). Было решено, что значительная часть этого наследства перейдет нам. На посл<еднем> заседании Оргбюро была выбрана комиссия, которая подвергает пересмотру этот тезис, и мы можем очутиться буквально на мели. Я прошу твоего указания моему другу Стецкому, чтобы нас не обижали. Иначе мы будем далеко выброшены назад. Нам действительно нужно старое оборудование «Правды» и корпуса.

3). **О поэте Мандельштаме.** Он был недавно арестован и выслан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей

¹⁵ Замятин Е. Москва – Петербург // Он же. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 204.

¹⁶ Максименков Л. Указ. соч. С. 249–250. Об «оттепельном» изменении статуса Мандельштама, в частности, см.: Флейшман Л. Указ. соч. С. 131. Там же содержится полемическая отсылка к употребляемому Максименковым термину «номенклатурный писатель». Если, однако, раскрывать содержание употребляемого Максименковым понятия через актуальную принадлежность того или иного автора к институциональной системе советской литературы и его заметный статус в том или ином ее сегменте, то Мандельштам, несомненно, может считаться «номенклатурным автором». Сам Максименков, впрочем, сколько можно судить, склонен раскрывать термин буквально, в соответствии с его словарным значением: «Его [Мандельштама] имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года» (Максименков Л. Указ. соч. С. 250; курсив наш). Заметим, что подобная временная «перемена участи» коснулась тогда же не только Мандельштама и, скажем, Андрея Белого (см.: Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 423–436), но и гораздо более далеких от советских литературных институций и в целом от режима М. Кузмина (см.: Морев Г.А. Советские отношения М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 82; в августе 1934-го Кузмин был принят в Союз советских писателей) и Анны Ахматовой (см. примеч. 101).

¹⁷ Описание документа и касающийся Мандельштама фрагмент даны Л.В. Максименковым: «Мандельштам числится в разделе беспартийных литераторов. В нем всего 58 человек. Беллетристов, драматургов, поэтов: 41. Эрдман („Мандат“, „Самобийца“). 42. Сейфуллина. 43. Багрицкий („Запад“). 44. П. Низовой. 45. О. Мандельштам. 46. М. Светлов. 47. Вересаев. 48. К. Зеленский (sic! – Г.М.). 49. Зенкевич. 50. Л. Никулин» (Максименков Л. От опеки до опалы: Как Осип Мандельштам стал советским писателем // Огонек. 2016. № 2. С. 32).

предмет в связи с тем, что он подрался (!) с А<лексеем> Толстым, которому нанес «символический удар» за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М<андельштама>, что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка О. Мандельштама: он – первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он – безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. Т. к. ко мне все время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он «наблудил», то я решил написать тебе об этом. Прости за длинное письмо. Привет.

Твой Николай.

P.S. О Мандельштаме пишу еще раз / на об<ороте> потому, что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста М<андельштама>а и никто ничего не знает.

26 мая, в день вынесения приговора Мандельштаму, в «Литературной газете» было объявлено о том, что Бухарин выступит на съезде писателей с докладом о поэзии (он будет писать его в той самой ленинградской квартире Академии наук, о которой упоминает в письме¹⁸). Напомним, что все ключевые докладчики на съезде утверждались Сталиным. В этом контексте письмо Бухарина приобретало для адресата особое значение. Упоминание же Бухариным многочисленных апелляций к нему со стороны литературной общественности и, главное, отдельное возвращение к теме в связи с Пастернаком (через два месяца провозглашенным в докладе Бухарина первым советским поэтом) сигнализировали о серьезности инцидента с Мандельштамом.

Если внимательно прочитать посвященный Мандельштаму пункт письма Бухарина, то становится ясно, что смысловой доминантой этого фрагмента текста является мотив тотального «незнания» и отсутствия всякой достоверной информации о произошедшем на фоне усиленной упоминанием имени Пастернака – известного и значимого для Сталина – констатации общественной взволнованности этим событием. Бухаринские «я не знаю», «никто ничего не знает» и сообщение об отказе Агранова сообщить подробности не могли не срезонировать в сознании Сталина с его собственным незнанием о случившемся.

Ситуация была нетипична для бюрократической практики вождя.

Так, осенью 1933 года аналогичным спецсообщением Сталин был проинформирован тем же Аграновым об аресте и высылке драматургов Н. Эрзмана (включенного, как и Мандельштам, в «список Кагановича»), В. Массы и Э. Германа (Эмиля Кроткого). И преступление, и наказание этих писателей были формально идентичны мандельштамовским – «распространение к<онтр>р<еволюционных> литературных произведений» и высылка на три года в Сибирь и на Урал¹⁹. Однако для Сталина арест и высылка известных литераторов сюрпризом не стали – еще 9 июля 1933 года он получил письмо от тогдашнего зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды, в котором тот информировал его о факте сочинения и чтения Эрзманом и Массом «сатирических басен, на наш взгляд, контрреволюционного содержания», прилагал тексты самих басен и свое резюме: «Полагаю, что указанных литераторов следовало бы или арестовать, или выслать за

¹⁸ «Лето 1934 г. Подготовка к съезду писателей. Бухарин и Каменев в Ленинграде (в ленинградской квартире Бухарина во дворе АН). Подготовка речей Бухарина, Каменева, Горького» (воспоминания Ю.Г. Оксмана; цит. по: *Флейшман Л.* Указ. соч. С. 263).

¹⁹ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 207.

пределы Москвы в разные пункты»²⁰. Письмо Ягоды было внимательно прочитано Сталиным – его ключевые положения и вывод были им подчеркнуты.

2 февраля 1934 года в Москве по ордеру, подписанному Аграновым, был арестован другой литератор из «списка Кагановича» – Н.А. Клюев, который обвинялся в «распространении контр-революционных литературных произведений и в мужеложестве»²¹. И.М. Гронский, на тот момент главный редактор «Известий» и «Нового мира», бывший одним из инициаторов репрессий против Клюева, в позднейших воспоминаниях особо подчеркивал, что получил на них санкцию Сталина²². Информация же об аресте Мандельштама, полученная из письма Бухарина, явилась для Сталина полной неожиданностью.

Столь же нетривиальными для советской репрессивной практики были и изложенные Бухариным гипотетические мотивы преследования Мандельштама: драка с Алексеем Толстым, вызванная, в свою очередь, дракой «другого писателя» с женой Мандельштама. Очевидное несоответствие «бытового» повода и серьезности резонанса и возможных дальнейших последствий ареста Мандельштама должно было лишь усилить в глазах Сталина некоторую энигматичность всего этого дела.

Смысл резолюции Сталина однозначен: его возмутил не факт ареста известного писателя, а факт самостоятельности ОГПУ на литературном поле, целиком подлежащем «высочайшему» контролю. С точки зрения Сталина, никакого права арестовывать сколь-нибудь заметного литератора без его личной санкции у чекистов не было. И когда через год с небольшим, 5 августа 1935 года, Агранов, не ставя вождя в известность, арестует главного редактора французского московского журнала *Journal de Moscou* С.С. Лукьянова, бывшего сменеховца, это вызовет уже персональный выговор от Сталина, в котором мысль, выраженная теми же словами, что и в резолюции на бухаринском письме, проговорена до конца: «НКВД не имел права арестовать Лукьянова без санкции ЦК. Надо сделать Агранову надругание»²³. Последовали разбирательства на уровне Политбюро. «Об аресте Лукьянова, видимо, т. Ежов дал согласие, однако на заседании я лично указал т. Агранову, что они не имели права арестовывать, не поставив официально вопроса в ЦК. <...> Агранову надругание дадим», – заверял находившегося в Сочи Сталина Каганович²⁴. Понятно, что для Сталина вопрос о полном подчинении ему органов безопасности и контроле над ними имел принципиальное значение.

Наблюдение властей за писателями перед съездом усилилось: «В предсъездовские дни, с весны 1934 г., СПО [Секретно-политический отдел] ОГПУ <...> организовал регулярное (примерно раз в 2–3 дня) информирование руководства наркомата и, соответственно, ЦК ВКП(б) о настроениях писателей, ходе выборов и составе делегатов, проводимых в писательской среде мероприятиях и совещаниях и т.п.»²⁵. На этом фоне инцидент с Мандельштамом, информация о котором из ОГПУ не дошла до него, должен был восприниматься Сталиным особенно остро.

10 мая 1934 года умер председатель ОГПУ В.Р. Менжинский, и службу уже официально возглавил Ягода (фактически руководивший ею в последние годы председательства тяжело больного Менжинского; Агранов остался на должности заместителя председателя ОГПУ). Ста-

²⁰ Там же. С. 202–203. О предыстории ареста Эрдмана и Масса см.: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Словесность на допросе: Следственные дела советских журналистов и писателей 1920–1930-х годов. М., 2018. С. 111–112.

²¹ *Domanskij V.A.* Н.А. Клюев: последние годы жизни // *Revue des Études Slaves*. 2006. Vol. 77. № 3. Р. 443. На присутствие фамилии Клюева в «списке Кагановича» указывает Л.В. Максименков: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 332.

²² *Гронский И.М.* О крестьянских писателях / Публ. М. Никё // *Минувшее: Исторический альманах*. Paris, 1990. Вып. 8. С. 151.

²³ Сталин – Кагановичу, 23 августа 1935 года: Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 531.

²⁴ Там же. С. 537–538. Письмо от 27 августа 1935 года; на следующий день Политбюро «указало НКВД „на неправильность“ ареста Лукьянова без санкции ЦК. Выписка с этим решением была послана Агранову» (Там же).

²⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 215.

лин знал об особой позиции Ягоды в вопросе реформирования писательских организаций: связанный родством с идеологом упраздняемого РАППа Леопольдом Авербахом (братом жены Ягоды), тот не всегда придерживался генеральной линии партии в культурной политике. Так, упомянутый во втором пункте письма Бухарина А.И. Стецкий, заведующий Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), в августе 1933 года сообщал Сталину:

Тов. Ягода слишком демонстрирует свои дружеские чувства по отношению к Авербаху. [Александр] Фадеев мне рассказывал, например, следующее: когда он решил порвать с Авербахом (то есть выйти из РАППа. – Г.М.), его пригласил к себе на дачу тов. Ягода и упрекал за то, что Фадеев решил «предать товарища». Разговор носил такой резкий характер, что Фадеев пригрозил, что он сейчас же уйдет из Зубалова (место расположения госдач. – Г.М.). Если тов. Ягода продолжает в этом духе и теперь, то это скверно²⁶.

«Приятеlem Леопольда Авербаха» называет в своих воспоминаниях Корнелий Зелинский и Агранова²⁷. И если мнение Л.В. Максименкова о «саботаже» организации Союза писателей и его первого съезда со стороны чекистов²⁸ представляется неоправданным преувеличением, то исключить опасения Сталина по поводу частичной потери контроля за поведением чекистов в «области культуры», особенно в дни перед писательским съездом, нельзя.

В июле 1934 года намечалась задуманная в феврале реорганизация ОГПУ в НКВД, отражавшая новую партийную линию на «нормализацию» жизни, отказ от «крайностей государственного террора и усиление роли правовых механизмов»²⁹.

Создание Наркомвнудела СССР с включением в него ОГПУ, реорганизованного в Главное управление государственной безопасности, организационно завершает установку партии на решительную перестройку применительно к новым условиям борьбы. <...> В условиях, когда строгий революционный порядок должен способствовать еще большему росту социалистического правосознания трудящихся масс Советского Союза, мы не можем, и нам никто не позволит работать так, как мы работали раньше.

²⁶ Цит. по: Максименков Л. От опеки до опалы. С. 33. Ср. совпадающее с письмом Стецкого изложение этих же событий в позднем (1956) рассказе Фадеева Вяч. Вс. Иванову (*Иванов В.В.* Указ. соч. С. 556–557). Контекст событий 1932 года, в том числе письмо Стецкого Сталину и Кагановичу об «антипартийной работе РАППа» от 11 мая 1932 года с упоминанием Фадеева, см.: *Огрызко В.* Плата за власть // Литературная Россия. 2015. 16 сентября. О персональных стратегиях Ягоды в политике репрессий см. также: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Указ. соч. С. 115–117.

²⁷ *Зелинский К.* Легенды о Маяковском. М., 1965. С. 42. Любопытно, что именно Зелинский, близкий во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов к ОГПУ и, по некоторым предположениям, являвшийся секретным сотрудником органов (см.: *Громова Н.* Распад: Судьба советского критика, 40–50-е годы. М., 2009. С. 150–157; ср. также публикацию дневниковых записей Зелинского 1933 года, по стилю и структуре чрезвычайно близких к агентурным отчетам в ОГПУ: «...Наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка»: Из дневников литературного критика К.Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г. / Публ. З.К. Водопьяновой, В.В. Кондрашина // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 87–94), был первым – и единственным – из знавших Агранова людей искусства, кто дал в печати (как только для этого открылись цензурные возможности) краткий, но выразительный и, что особенно примечательно, в целом сочувственный мемуарный портрет погибшего в сталинских чистках, но не реабилитированного чекиста, оставляющий ощущение сознательной и многозначительной недосказанности. В своих воспоминаниях о Маяковском, опубликованных в 1965 году, Зелинский говорит о посещении в день самоубийства поэта его квартиры в Гендриковом переулке. Приведем этот текст: «В маленькой передней не то на корзинке, не то на связке книг сидели Лев Александрович Гринкруг и Яков Саулович Агранов. Они переговаривались вполголоса. Гринкруг – кинорежиссер, скромнейший и тишайший человек. <...> Яков Саулович Агранов был полной противоположностью (хотя в его манере было нечто вкрадчивое, спокойное и заставляющее настораживаться). В то же время именно Агранов, ответственный работник ОГПУ <...> был тем человеком, который заставлял задумываться над вопросом: „Что у тебя на душе? Кто ты такой?“ Один милый, как божья коровка, другой – неумолимый, как божья кара. Я очень часто видел Агранова, когда приходил к Брикам. Вспоминались всегда строки поэта о Басманове: „С девичьей улыбкой, с змеиной душой“. Вспоминались потому, что тонкие и красивые губы Якова Сауловича всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек» (*Зелинский К.* Указ. соч. С. 41–42).

²⁸ Максименков Л. От опеки до опалы. С. 33.

²⁹ *Хлевнюк О.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 224.

Практику и методы периода борьбы с массовой контрреволюцией, от которых многие товарищи никак не могут отвыкнуть, надо решительно отбросить³⁰.

В рамках кампании по «укреплению социалистической законности» работа ОГПУ весной – летом 1934 года была подвергнута критике Политбюро, отразившейся в целой серии решений. Одно из них особенно интересно для нас. 5 июня, за день или два до получения Сталиным бухаринского письма, Политбюро приняло два постановления, связанные с делом бывшего начальника управления противовоздушной обороны Наркомата тяжелой промышленности СССР А.И. Селявкина, осужденного на десять лет за продажу секретных военных документов. В апреле Сталин получил от прокурора СССР И.А. Акулова (в 1931 году направленного в ОГПУ в противовес Ягоде на должность первого зампреда «с целью укрепления органов ОГПУ и усиления партийного контроля»³¹) жалобу Селявкина, в которой утверждалось, что он оговорил себя на допросах в ОГПУ под угрозой расстрела. Проведенная проверка подтвердила, что дело было полностью сфальсифицировано. В постановлениях, принятых 5 июня, Политбюро отменяло приговор Селявкину (и присоединенным к нему чекистами подельникам) и отдельно указывало руководству органов «обратить внимание на серьезные недочеты в деле ведения следствия следователями ОГПУ»³².

Таков был ближайший контекст резолюции вождя. Теперь Сталину оставалось понять, кто, собственно, стал жертвой *неправового* ареста. Именно это было одной из целей его телефонного звонка Борису Пастернаку.

Неудавшийся диалог

И письмо Бухарина, и звонок Сталина Пастернаку не имеют точной датировки. Если в случае письма Бухарина, исходя из упоминания в нем попытки самоубийства Мандельштама в ночь на 4 июня и телеграмм Надежды Яковлевны, посланных 5 июня, мы можем датировать его 5–6 июня³³, то для звонка Пастернаку у нас есть другая хронологическая граница – он, как нам представляется, был совершен *до* официального изменения приговора Мандельштаму 10 июня.

Короткий (в своей биографии отца Е.Б. Пастернак называет его «трехминутным»³⁴) разговор Сталина и Пастернака восстановлен на основе рассказа самого поэта и различных мемуарных свидетельств Е.В. и Е.Б. Пастернаками:

Сталин заговорил о судьбе Мандельштама и сразу же сказал, что дело пересматривается и с ним будет все хорошо. Затем он спросил, почему Пастернак не хлопотал о Мандельштаме, почему не обратился в писательские организации или «ко мне». «Я бы на стену лез, если бы узнал, что мой друг поэт арестован». Пастернак ответил: «Писательские организации не занимаются такими делами с 27-го года, а если бы я не хлопотал, вы бы ничего не узнали». <...> «Но ведь он ваш друг?» – с просил прямо Сталин. Пастернак постарался уточнить характер отношений, сказав, что поэты, как женщины, ревнуют друг

³⁰ Из выступления Г.Г. Ягоды на совещании оперативного состава НКВД-центра (1934): Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов / Науч. ред. А.Л. Литвин. Казань, 1997. С. 406–407.

³¹ Шрейдер М. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995. С. 15.

³² Хлевнюк О. Указ. соч. С. 224.

³³ Этой же датировки придерживается П.М. Нерлер (Нерлер П. Указ. соч. С. 40). В комментариях С.В. Василенко и П.М. Нерлера к «Воспоминаниям» Н.Я. Мандельштам 5 июня датированы и письмо Бухарина, и резолюция Сталина на нем, и его разговор с Пастернаком (*Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 510).

³⁴ Пастернак Е. Борис Пастернак: Биография. М., 1997. С. 494.

друга. «Но ведь он же мастер, мастер», – продолжал Сталин. «Да не в этом дело», – ответил Пастернак <...>. [Ж]елая изменить направление разговора, Пастернак сказал: «Да что мы все о Мандельштаме, да о Мандельштаме, я давно хотел с вами встретиться и поговорить серьезно». – «О чем же?» – «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку³⁵.

Сталин не случайно не сообщал Пастернаку о пересмотре дела Мандельштама как о состоявшемся факте – решение пересмотреть приговор было, несомненно, уже принято им, но еще не было оформлено Особым совещанием при Коллегии ОГПУ. Одним из элементов процесса пересмотра был, собственно, и сам звонок Пастернаку, состоявшийся, по нашему мнению, 7–9 июня 1934 года³⁶.

В связи с получением письма Бухарина Сталин был озабочен несколькими вопросами: во-первых, самоуправством ОГПУ, во-вторых, тем, действительно ли Мандельштам является «первоклассным поэтом» (как его охарактеризовал Бухарин) и правда ли, что его арестом взволнован такой значительный автор, как Пастернак, и в-третьих – почему свое беспокойство Пастернак транслировал через лишь недавно восстановленного в общественно-политическом статусе Бухарина, а не обратился непосредственно к нему самому. Нетрудно увидеть, что весь этот комплекс проблем объединен для Сталина деликатной темой потери контроля над обстановкой и нарушения номенклатурной субординации.

Таким образом, при реконструкции логики разговора чрезвычайно существенно то, что Сталин, ограниченный информацией из письма Бухарина, инициирует и ведет его из коммуникативной ситуации *непонимания и незнания*. Помимо сообщения о планируемом смягчении участи Мандельштама, все реплики Сталина, запомнившиеся мемуаристам, имеют целью получить ответы на обозначенные выше вопросы.

Прежде всего, Сталина интересует, насколько существенен литературный статус Мандельштама. Его знаменитая реплика «Но ведь он мастер? Мастер?» имеет в виду не абстрактное художественное мастерство Мандельштама, но отсылает ко вполне определенному контексту актуальной литературной политики после разгона РАППа и начала подготовки всесоюзного писательского объединения. 20 октября 1932 года в доме Максима Горького Сталин, обращаясь к партийному писательскому активу, констатировал: «Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей – мастеров художественного слова»³⁷.

³⁵ Впервые анонимно: [Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.] Заметки о пересечении биографий Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака // Память: Исторический сборник. М., 1979 [Paris, 1981]. Вып. 4. С. 318–319. Некоторые обнародованные в последнее время детали – например, в дневниковой записи Сергея Спасского от 2 ноября 1934 года, фиксирующей рассказ Пастернака (Тименчик Р. Сергей Спасский и Ахматова // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 50. Р. 94), – дополняют, но не меняют установившуюся картину разговора.

³⁶ 11 июня в письме бывшей жене Е.В. Пастернак поэт, как отмечает Е.Б. Пастернак, намекает на звонок Сталина, задержавший его в Москве; по контексту письма речь идет о событии двух-трехдневной давности (Пастернак Б. «Существования ткань сквозная...» Переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М., 1998. С. 389).

³⁷ Речь Сталина застенографирована писателем Феоктистом Березовским, текст опубликован Л.В. Максименковым (Максименков Л. Очерки номенклатурной истории. С. 224–234).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.